

- Не надо бояться смерти, -
Сказал мне один знакомый.
Я перестал бояться
И потому живу.

Геннадий Суздаев, Челябинск

Ноябрь 1987 года.
За чашкой чая Ерофеев, Сидоров и Тимофеев

На маленькой кухонке в тесной квартирке композитора Сидорова мы пили чай. И, естественно, говорили о жизни и о политике. Так уж получилось, что все трое в какой-то мере работники творческие. Саша Ерофеев – журналист рабочей многотиражки, бывший актер театра, певец и поэт. Володя Сидоров единственный в городе профессиональный композитор, преподаватель муз. училища, по совместительству пишет стихи и пьесы. Я работал на строительстве ККЦ комбината. Но еще много писал. И стихи и прозу, уже книга готовилась к изданию в Челябинске, уже на Всероссийском совещании молодых писателей побывал.

Нам казалось, что застой в нашей стране не кончится никогда. Даже пришедший к власти либеральный Горбачев ничего не сможет сделать, если его не поддержать снизу, то есть от того народа, который есть мы сами. В те годы, если кто помнит, получило массовое распространение новое течение в литературе – реальный социализм. Когда наконец рассекретили работы знаменитого академика-демографа Галины Литвиновой. Когда профессор Нуйкин смог донести до миллионов читателей свои идеи экономического переустройства... Страны бывшего социалистического лагеря решились порвать с диктатором СССР. А мысли о свободе, в том числе и творчества? Ну, кому они не близки? А уж мы, пишущие, с каким только маразмом не сталкивались? Помню, в театре Пушкина шла запись всесоюзного конкурса «Алло, мы ищем таланты». Наша «Радуга» пела песню, которую написали мы с Володией Сидоровым. Песня «Бабье горе», по сути, о военном времени. И ее не пропускают! Потому что авторы неизвестные, не члены Союза писателей и композиторов, и песня не имеет на тексте отметки литературного цензора! Побежали в типографию, где этот цензор сидел, поставили штамп, что ничего вредного в песне нет. В качестве компромисса авторов вслух не объявили. А потом «Бабье горе» победило, стало лауреатом...

Вот так, в очередной раз посетовав, и решили мы – а не создать ли нам такую организацию, которая бы начала снизу взламывать эту глыбу закоренелости, давно уже перешедшей во всяческий маразм.

Так на тесной кухне композитора Владимира Сидорова при личном присутствии его жены Марины, четырехлетнего сына Антошки и нас с Сашей Ерофеевым родилось «Встречное Движение».

Название это придумал вовсе не я.

В газете «Правда» в передовице как-то прозвучал призыв Горбачева. «Нам надо поднять народ навстречу нашим реформам. Только мощное движение масс навстречу политике партии...»

Ну, и еще одна ассоциация. Когда все послушно едут в одном направлении, а кто-то в другом...

Вот где кроются корни названия. Кстати, когда художник Сергей Соломатин рисовал нам наш первый плакат, он так и написал «Движение навстречу». Не я один «Правду» читал. Но мы собирались идти не «навстречу». Наше движение все-таки «Встречное». Пришлось просить переделать тот знаменитый бело-зеленый щит, который всегда был впереди нас.

В первых числах февраля собралась инициативная группа, где число «посвященных» в цели и задачи организации перевалило за десять человек. Собрались подпольно – время было такое. В филиале библиотеки на улице 50 лет Магнитки под видом обсуждения статьи в журнале «Знамя». Собрались только свои, «проверенные». И, тем не менее, на следующий день информация о нашей встрече была на столе председателя городского КГБ. Как? Кто? – мучались мы с Сидоровым вопросом. Через пару лет поэт Владилен Машковцев раскрыл мне секрет доносительства. Он не просто назвал фамилию осведомителя, его «оперативный псевдоним», но и предупредил: «Старик, ты будешь выступать со своими стихами в аудитории, где кроме тебя будет еще два человека. На комбинате перед рабочими, в школе перед учениками и т.д. Запомни, один из трех обязательно будет осведомителем КГБ». Кто-кто, а Владилен знал цену своим словам.

Итак, организацию создали. Выбрали временно Председателем на один год меня, прикинули, что можем реально сделать.

Баба Нина, дядя Вася и другие

Февраль 1988 года

По-видимому, нас всерьез в КГБ не восприняли. Потому что не арестовали сразу, не упрятали в психушку, не выгнали из страны. Это потом, через месяц спохватились. Но... мы успели прошуметь.

Мне принесли секретное письмо, которое в горьком КПСС давали читать под расписку. Там были такие примерно строки. «Обратить особое внимание на малочисленные группы активной творческой и научной интеллигенции. Не следует недооценивать их высокий организующий потенциал. По данным аналитического отдела МИД СССР, польская «Солидарность» начиналась с малой группы профсоюзных лидеров. Когда численность организации составила одиннадцать !!! активных членов, Валенса взбудоражил всю страну и вскоре стал Президентом.» Но, повторяюсь, к нашему счастью, нас еще не принимали всерьез.

Даже сейчас, по прошествии пятнадцати лет, некоторые из высоких городских руководителей не хотели бы признаваться в том, что помогли нам, обеспечивали информацией. Потому не всегда я называю пофамильно тех, кто, по-моему, достоин был быть упомянутым. Так, все, что «ВД» говорило о коррупции и злоупотреблениях чиновников и милиции, поступало к нам от самих работников прокуратуры, милиции и партийного аппарата.

Нам предложили познакомиться с «особо засекреченной» информацией о степени загрязнения воздуха над Магниткой. Договорились. Я пришел в соответствующее учреждение за час до официального начала работы. Меня закрыли в кабинете, показав, где и что можно найти. Свет включать нельзя, чтобы никто не знал, что я там сижу. Шторы плотно зашторены, чтобы не дай бог в окно меня не увидели. Пока не рассвело достаточно (февраль месяц!) я сидел в углу за шкафом и слушал движение народа по коридорам старого полубарачного здания на левом берегу. Часов с девяти до обеда я мелким почерком, карандашом, переписывал таблицы и графики, проценты и страшно высокие «запредельно-допустимые концентрации». В обед все вокруг стихло. Столовой в станции не было, работники разбежались кто куда. Меня выпустили, взяв в очередной раз слово, что если что, «я сам тайком, обманув и подобрав ключи, через окно и дымоход...» Кстати, так и прозвучало на заседании горкома КПСС, когда начальника этой службы вызвали на ковер по поводу «утечки нежелательной для населения информации».

Итак, я пошел по улочкам левобережья, от Пионерской пешком до площади Победы, к Комсомольской площади, через комбинат на 5 проходную – проверялся – хвоста не было. А там на квартиру к одному из соратников. Надо сказать, что все данные я переписал через копирку, полагая, если найдут первый экземпляр, не догадаются искать второй. Наивный, конечно. Но, кто помнит хорошо то время, поймет меня. Один экземпляр спрятал там же, под шкафом, так, на всякий пожарный, вдруг и вправду застукают, второй рассовал по одежде: в носки, за оторванный подклад шапки, под воротник. Осмыслить значимость полученной информации смогли не сразу. Данные о составе воздуха, которым мы тогда дышали, стали информационной бомбой.

Несколько дней и ночей мы все, у кого были печатные машинки (вещь в те времена строго учетная!) размножали «секретные данные». Закладка в шесть экземпляров пробивается, больше – уже не прочесть. А хотелось бы охватить информацией тысячи людей. Не за-ради испуга. Нет. У меня двое детей, дочке всего четыре годика. Чем они дышат? Почему постоянно болеют? В листовках – ответ на эти вопросы. Несколько сотен экземпляров листовки буквально взорвали город.

В среде творческой интеллигенции среди нашего «брата-писателя» были две замечательные личности. Баба Нина – Нина Георгиевна Кондратовская – руководитель городского литобъединения. И дядя Вася – Василий Александрович Николаев, детский врач, доктор Айболит, член литобъединения. Так вот, любой из литобъединенцев знал о том, как велик круг знакомых и у той и у другого. Разве что не весь город. Но была у них одна общая слабость – любили поболтать. Бабе Нине первой «по большому секрету и только чтобы никому ни слова!» я принес листовку. Баба Нина поклялась мне: «Да что я не понимаю, что ли? Я член горкома КПСС!». Не успел я войти в лифт, она уже кричала в трубку какой-то Шуре. «Ты знаешь, что мне Валерка Тимофеев сейчас принес? Ну, наш поэт! Ой, ты сейчас...»

Второй экземпляр листовки я отнес нашему доктору Айболиту. То, что сделали в плане агитации эти два человека – баба Нина и дядя Вася, невозможно переоценить. Все мы со своими пишущими машинками и бессонными ночами, сотнями раскиданных по городу листовок – малая толика того, что успели рассказать они. Эффект пирамиды, цепной реакции. Единственный минус в их работе, уже на следующий день там, где надо, знали – кто «посеял в городе эту заразу».

Первый сигнал

Я пришел домой с ночной смены. На стройке сами знаете какая работа. Намерзнешься, в тесном вагончике переоделся и домой. Не успел после ванной обсохнуть, даже не позавтракал – звонок. Открываю дверь – стоит прапорщик. Повестку мне вручает. Срочно явиться в военкомат. «Ладно, - говорю. – Подъеду». Прапорщик стоит, с ноги на ногу мнется. «Что еще?» - «Велено доставить Машина возле подъезда. Одевайтесь.»

Привезли меня под конвоем, как будто я дезертир. Тут же через медкомиссию прогнали. Главврач пишет заключение – не годен по зрению. Куда не годен, я ж не знаю.

Подполковник, который все это время ходил за мной по пятам, выхватил у доктора мои документы и убежал с ними наверх. Вернулся, тянет меня к военному комиссару. Остались мы с военкомом с глазу на глаз.

- Что ты натворил? – спрашивает у меня.
- Не знаю, - пожимаю плечами.

- Мне Стоббе (Первый секретарь Горкома КПСС) позвонил, велел тебя любым способом из города на месяц-другой убрать.
- У вас дети есть? – спрашиваю.
- И внуки уже.
- Ну, я и дал ему нашу листовку прочитать.
- Откуда у тебя это?
- Рассказал. Он уже кое-что слышал, информационное зерно упало на подготовленную почву.
- Сволочи. Травят народ, а отмывать их моими руками? Оставишь мне?
- Конечно.
- Я своим всеобуч устрою.
- Вызвал моего куратора, подполковника, и приказал:
- Отвезите домой.
- А как же?
- Выпа-ал-нять! – рывкнул и кулаком по столу.
- По дороге домой прапорщик, который тоже получил свою листовку, смеясь, рассказал.
- Хотели тебя на курсы переподготовки водителей средних грузовиков отправить в Челябинск.
- Так я ж танкист, офицер.
- Ну, лопухнулись малость, не учли. У нас в армии как? Приказали? Под козырек и айда!
- Понял я – попали мы в десяточку. Началось. Теперь в покое не оставят.

Шквал

Я успел перед массовой аудиторией выступить всего два раза.

Первый раз организовал встречу Александр Якупов, директор музыкального училища. Как человек шершавый, старающийся козырнуть своей независимостью, собрал педагогов, немного студентов и позволил мне «информировать о состоянии воздушного бассейна нашего города». Перед тем, как дать мне слово, настроил публику. «Я проверил, откуда у них такая информация. На самом высоком уровне сказали – все верно. Да вы и сами видите, было бы что надуманное, так бы на ребят не сердились». Мне оставалось только зачитать листовку.

Вторая встреча была в строительном техникуме. Короткая встреча. Без ведома руководства. Один из преподавателей пригласил на свой урок и разрешил сказать несколько слов. Встречу быстро скомкали. Кто-то проявил «бдительность». Но я успел озвучить решение малого Совета (Сидоров-Тимофеев): «6 февраля мы приглашаем всех горожан принять участие в демонстрации протеста».

Так «Встречное движение» вступило в стадию открытой конфронтации с официальной властью.

Все пути выступлений перед горожанами были нам с Сидоровым крепко перекрыты. Мы озадачились, но совсем ненадолго.

У «Встречного движения» оказалось неисчислимо *много* добровольных помощников. Видимо, сильно наболело в душах у многих. И мы только подтолкнули уже готовый к движению локомотив...

Мне предъявлялись претензии *от чиновников-руководителей*, что вот там-то и там-то, тот-то и тот-то, члены нашей организации, выступали и агитировали. Я, честно, даже не знал о существовании этих смелых людей, которых уже приписывала молва к нашему «ВД».

Александр Добчинский

На меня, на «ВД» началась травля. Не было ни одной газеты в городе, где бы не поливали грязью, ни одно партийное собрание, а их в те февральские дни собирали особенно часто, не проходило без предостережений и угроз в наш адрес. А горком партии во главе со Стоббе и Метелкиным издали специальное циркулярное письмо на многих страницах с четкими указаниями, какие мы «плохие», «алкоголики», «тунеядцы», «люди с ненормальной психикой» и т.д., и как нас надо дискредитировать.

Саша Добчинский в то время возглавлял городское радио. Ему, другу, одному из первых я принес ту листовку.

Прочитал ее как проглотил – а читает он очень быстро, и говорит.

- Такое надо срочно в эфир. Это ж, выходит, они нас преднамеренно травят? Они не понимают, что вместе с нами и сами травятся, и их дети травятся? Или надеются завоевать признание Москвы и слить в чистую столицу? – Вскочил и забегал по тесному кабинету. У него привычка – лохматить волосы. – Дам я эту информацию, предупрежу горожан о вашей демонстрации протеста. А назавтра меня снимут?

- Снимут, - без тени сомнения подтвердил я.

- Кому от этого будет хорошо? Вам? Мне? Я вам больше нужен как главный редактор, чем безработный журналист? Надо что-то придумывать. Но учти, Валера, если я ничего не придумаю, я просто зачитаю на весь город эту листовку и пусть меня после этого хоть гонят, хоть садят.

Не знаю, какие аргументы приводил он в горкоме, это осталось тайной за семью печатями. Только подловил он важных партийных дядей, - город, мол, лихорадит. Надо объяснить народу, успокоить. - Уговорил дать слово экологам, врачам, специалистам с ММК и... нам. Мол, не надо бояться! Умные и

сановитые мужи, профессора и главные комбинатовские специалисты затопчут этих «пьяниц, тунеядцев и психов».

Это была шикарная передача. Умелая режиссура Добчинского привела к тому, что почти вся «секретнейшая» информация достигла слуха горожан. Город превратился в растревоженный улей. И, если до этого вечера мы собирались выйти на демонстрацию едва ли двумя десятками человек, то с такой рекламой только для умирения демонстрантов к 6 марта 1988 года со всей области в Магнитку дополнительно согнали несколько сотен работников милиции.

Так начало свою активную деятельность «Встречное движение». И немаловажную роль в пропаганде наших идей и задач сыграл Саша Добчинский. Потом еще много раз были встречи, интервью, репортажи.

МихМих и другие

За мной опять приехали. Только теперь не на военкомовском узике. На черной волге. Привезли к Председателю городского Совета народных депутатов. По-нынешнему, к мэру города. Михаил Михайлович Лысенко. В его большом кабинете на третьем этаже легко потеряться. Я еще ни разу «так высоко» не бывал. МихМих говорил негромко, «лез в душу», проявлял удивляющие меня познания в моей «истории жизни». Даже не забыл вспомнить, что он тоже спортсмен, хоть и не Мастер Спорта и не чемпион республики, как я. «Молодец, что пошел работать на ударную стройку простым бригадиром, опыт зарабатываешь. Для книг материала наберешь. Только зря ты не дал согласия про ККЦ писать.»

Неплохо поработали! В мае прошлого года я был на Всероссийском писательском совещании. Организатор Союз писателей России и ЦК ВЛКСМ. Там шел разговор о социальном заказе – книге о рабочем классе. Я был единственным на совещании «работягой» такого уровня. Но... писать о стройке то, что нужно им, я не смог бы. А писать то, что стоило написать – требовалось время осмыслить и разобраться. Потому как что в тридцатые, что в восьмидесятые строили в большинстве своем «лишенные права на свободу лица». У меня в бригаде больше половины были «химики» - осужденные на принудительные работы и «элтэпэшники» - алкаши на принудительном «лечении». И так вся стройка. Только ЛТП в Магнитке под стройки комбината создали аж три штуки!

А потом МихМих взял со стола листок отличной мелованной бумаги и прочитал стихотворение. Неплохо прочитал, с ударением прочитал... мое стихотворение прочитал.

«Провинция... Чиновная Москва, Зажав в своих руках бразды правления За всех решает, Слово голова Лишь у нее достойна применения. Провинция... И сразу низший сорт.....»

Непечатное. Бунтарское. Написанное еще в догорбачевское время.

- Правильно пишешь. Но вот политический момент не учитываешь...

И пошла воспитательная беседа. И предложение:

- Мы дадим возможность выступить по радио, телевидению, в газетах. Отмените демонстрацию. Давайте вместе работать, ты же умный человек, понимаешь, что бывает с неугодными. Зачем портить жизнь себе и своим близким?

Вот так начались угрозы.

Я думал, выйду от МихМиха, соберу Совет. Будем решать, как быть, если нас кого-то упрячут.

Но уйти из Дома Советов мне не дали.

Повели на четвертый этаж. К первому секретарю Горкома КПСС.

Лев Георгиевич Стоббе.

Этот особой дипломатией не отличался. Привык к беспрекословному подчинению. «Я сказал!»

На что я резонно заметил.

- А вот в газете «Правда» опубликованы материалы Пленума. И там Мы как раз и поддерживаем решения этого Пленума.

Даже я до такой «крамолы» не дошел.

- Решения Пленума – это не для нас. Пусть там что хотят решают! Нам работать надо, стране металл давать. А с этими решениями только вас расплодили. Горбачев сегодня есть, завтра его нет. А Магнитка была, есть и будет. И другого назначения у нее нет! Прекращай свою чехарду, займись делом. Не губи свою карьеру. У тебя хорошая перспектива (я получал второе высшее образование – на этот раз политическое, им ли не знать об этом!) Не одумайся, завтра такой грязью измажем, всю жизнь отмываться будешь!

Слово свое он сдержал. И через пятнадцать лет после тех событий я чувствую следы прошлого...

Из кабинета разозленного первого секретаря меня увезли на «профилактическую беседу» к полковнику Федору Александровичу Булатову, главному милиционеру города. От него к городскому прокурору Валерию Ивановичу Петрову.

Итог дня.

Подписка. Если в городе, в любой его точке произойдет хоть что-то, виноватым сделают меня. И посадят тоже меня. Если я не возьму назад своих слов.

Не страх, азарт отчаяния одолел меня.

Даже дышать в этой стране среди этих людей нечем!

Коля Якшин

Он не входил в «ВД». Он был рядом. Но был. Несколько «свободных» литераторов, исповедующих «нетрадиционную» литературу, не «социалистический реализм», создали группу «Дыхание». Своего рода протест, только не выходящий за рамки творческого.

Я пришел домой, надиктовал на магнитофон все, что со мной было в последние дни от момента, как я достал «секретные материалы» и до встреч с «отцами города». Пленку с записью отнес Володе Некрасову. Мы с ним практически не были знакомы. Я знал, что, если будут проследивать связи, Володю в числе моих знакомых не обнаружат. Попросил, если меня не будет, передай тем, кто останется.

На выходе встретил Колю Якшина.

Он пошел прогуляться со мной. Мы пешком прошли от остановки «Гастроном» до «Сталеваров». Я рассказал ему о дне сегодняшнем.

- Не вздумай отказаться от демонстрации, - сказал он.

- От меня мало что зависит, машина запущена.

- Нет в городе такого малого коллектива, где бы не шептались о вас.

- Ты думаешь, мне легко? Я же не один. У меня жена, на комбинате работает, секретарь парторганизации, у меня двое детей.

- Пойми, старик. Если ты сейчас уйдешь в сторону, тебя потом съедят. Если ты доживешь до 6 марта и тебе дадут выйти со всеми, после демонстрации ты приобретешь иммунитет неприкасаемости. Тебя никто не посмеет тронуть. Это вызовет взрыв в обществе. Да их просто сметут!

До 6 марта осталось два дня.

Две вечности.

Новоселье

Не у меня, у соседа Жени. Помните, как у Высоцкого? «Был бы жив сосед, что слева, Он бы правду мне сказал».

Он сказал правду. Через несколько лет. Пригласил меня в Новый год к себе. Я как раз один дома был, мои уехали к бабушке под Екатеринбург.

Одна из комнат его квартиры примыкала к моей спальне. Большая его комната.

Женя был секретарем парторганизации ПТУ. Его вызвали в райком и поставили перед фактом. Теперь в его квартире будут жить два человека из Ленинграда.

Привезли несколько коробок с аппаратурой. Записывали все, о чем говорилось у меня. Если мы с друзьями выходили на лавочку к подъезду покурить-поговорить, тут же кто-то присаживался рядом. Я уже несколько дней не ходил по городу в одиночку. На работу, с работы меня провожали. Даже в течении рабочей смены я выглядывал в окно и видел – вот они, прогуливаются по территории ММК, специфические личности.

Я мало здесь говорю о своих соратниках, тех, кто вместе со мной делал дело.

Их стало совсем мало.

Володя Сидоров и Лида Лаптева.

Но появилось много новых, прежде мне незнакомых. Они потом крепко встали плечью.

А пока я был как чумной. Я боялся с кем-то завязать отношения, чтобы не подставить. Не дай бог подумают, что они наши.

Ну и со своими соратниками контактировать времени особо не было. Темп жизни был бешеным.

5 марта я работал в вечернюю смену. До 12 ночи.

Договорился – уйду на пару часов раньше. Договорился с глазу на глаз. Со сменщиком.

Из электроподстанции (она еще строилась) было два выхода. Основной. И запасной. Который открывался только для монтажа оборудования.

Но был еще один выход.

Кабельный.

По узкому туннелю.

Пока его закрывала гора битого кирпича и строительного мусора.

Последние смены в обеденный перерыв я потихоньку разбираю кирпичи и мусор.

Если убрать куски рубероида и досок, можно пролезть.

Кто знает город и комбинат, может представить мой путь.

С пятой проходной к военной кафедре в районе Товарной. Через коксохим, мартен, домны, листопрокатный. По надземным и подземным переходам. В рабочей одежде. Чтобы меньше внимания обращали.

Ночевал не дома.

К месту сбора вышел только тогда, когда ребята прошли и проверили обстановку. А потом взяли из собирающихся человек пять. В их окружении я пришел на остановку «Завенягина».

Кто-то сразу крикнул.

- Вот он, лидер «Встречного движения» пришел!

Я оказался в центре внимания, сохранившем меня.

И мы пошли!

Пешком.
К Дому Советов.
В плотном окружении переодетых ментов и работников спецслужб.
Перестройка в Магнитке началась.

Иван Харитонович Ромазан

Всего у меня было три встречи с легендарным директором. Две из них, коллективные, подробно расписаны в прессе (газета металлургов на полный разворот поместила отчет – первый раз писал сам редактор Юрий Чередниченко, второй раз - его зам Андрей Подольский).

В начале лета меня и еще четверых членов Совета пригласили на встречу к Ромазану. Это было первым нашим официальным признанием. Иван Харитонович, уже в неофициальной части, пожал руку и сказал с улыбкой:

- Вот вы и попали в большую историю. – На маленьком столе лежала большая книга. В нее записывались все встречи директоров ММК, краткое содержание этих встреч. - Вы думаете, я против вас? Я же сам здесь живу, сам дышу этим воздухом. Но я на государственной службе. А вы молодцы. Вы больше шумите. Я обещаю, теперь вас никто в городе не тронет. Работайте. Потому что вы - мои первые помощники. Прилетаю я в Москву, прошу денег на одно, другое. Мне не дают. А я им страшилку рассказываю про ваше наше «Встречное движение», про созданный вами «забастовочный комитет». Они сразу все мои бумаги подписывают. Боятся повторения польских событий.

Валерий Тимофеев,
председатель «Встречного Движения» 1987-1990 г.г.
Член союза писателей России.